

ніяхъ тройной лѣстницы въ знаменитомъ схожденіи Будды съ неба, известныхъ съ первыхъ временъ буддійского искусства?

Въ зданіи К9е Д. А. Смирновъ нашелъ среди ряда обгорѣлыхъ остатковъ фрески удивительной свѣжести, крайне интересныя по письму. Тщательная расчистка помѣщенія, чрезвычайно затрудненная твердостью запекшейся глины, показала, что, къ сожалѣнію, фресокъ осталось очень мало, такъ какъ и стѣны очень пострадали. Весьма ненадежное состояніе открытыхъ раскопкою стѣнъ побудило насть, сфотографировавъ всѣ стѣны, самымъ тщательнымъ образомъ спилить уцѣлѣвшія части фресокъ, что и было съ величайшою осторожностью исполнено С. М. Дудинымъ и казакомъ Романовымъ подъ руководствомъ С. М. Дудина. Мы сочли желательнымъ воспроизвести ихъ въ краскахъ (см. табл. IX, X). Центральная фигура образа не сохранилась, сохранились фигуры 5 монаховъ и двухъ бодисаттвъ, изъ которыхъ одного по шкурѣ антилопы, перекинутой черезъ лѣвое плечо, мы можемъ отождествить съ Avalokiteçvara, а другого по желто-красному цвету тѣла съ Mañjusgr. Изъ небольшихъ, не воспроизведенныхъ на таблицѣ IX за плохую ихъ сохранностью, частей образа видно, что на немъ былъ и синій «свирѣпый» Vajrapani. Фигура Avalokiteçvara стоящая. Любопытно отмѣтить темно-желтые тона, розовое и золотисто-желтое тѣло, а также густую позолоту нимбовъ. На таблицѣ X мы имѣемъ обрывки образа со стоящею фигурою по серединѣ, за нею виденъ остатокъ большого овального нимба; судя по куску сохранившейся одежды это была фигура какого-то будды. Слѣва отъ лотоса (право и лѣво, какъ обыкновенно принято въ буддійской иконографії, мы ведемъ отъ центральной фигуры), на которомъ стоитъ нога будды — колѣнопреклоненная, по обращенной лицемъ (лицо вытерто) къ зрителю фигура съ цветкомъ въ рукахъ. Между центральной фигурой и рамкою образа женская фигура, на лицѣ которой удивительно выразительно изображается отчаяніе, символомъ котораго является и правая рука поднятая къ головѣ. Лѣвая держитъ ковчежецъ цилиндрической формы съ крышкою пирамидальной формы; она держитъ его за веревочку, продѣтую, повидимому, черезъ два ушка съ боковъ сосуда. Одежда и головной уборъ женской фигуры чрезвычайно любопытны. Манеру письма этихъ образовъ въ горѣвшемъ зданіи К 9е мы не умѣемъ пока сблизить съ другими образцами: краски настолько своеобразны, также какъ и письмо, что изъ видѣнныхъ нами образовъ Китайского Туркестана ни одинъ не подходитъ вполнѣ къ этой манерѣ письма. Вообще зданіе это поразило насть разнообразiemъ стилей росписи въ двухъ его помѣщеніяхъ, составлявшихъ, повидимому, одно цѣлое: намъ показалось, что мы различаемъ три разныхъ стиля. Изъ этого разрушенного зданія мы захватили еще два образца фресокъ: изображеніе горы Sumegi, съ обвившейся вокругъ нея змѣю Ananta и съ солнцемъ и луну по бокамъ, и группу «жертвователей» съ цветами въ рукахъ; они будутъ впослѣдствіи воспроизведены.

Тщательному осмотру и расчисткѣ мы подвергли еще одно зданіе К13, которое уже носило совершенно другой характеръ; мы пока, за неимѣніемъ лучшаго, называемъ его украшенія китайскимъ и сравнивая его съ другими памятниками Шихшина склонны считать его чрезвычайно позднимъ.

¹ Мы знаемъ, что и въ гандхарскомъ искусстве прикладываніе рукъ къ головѣ знаменуетъ отчаяніе, ср. сцены Mañjusgr.